

— Цзю-эр, не глупи! — выкрикнул Лин Сичу.

Его лицо на миг исказила судорога: по холодному, отстранённому выражению принца император никак не мог понять, имеют ли его слова хоть какой-то вес.

Лин Цзюмо опустил руку и как ни в чём не бывало подмигнул Чжао Бучжи. Затем, склонив голову набок, он с усмешкой повернулся к Лин Сичу:

— Боитесь, что я причиню ему вред? Ну что вы...

Император едва заметно перевёл дыхание, но принц тут же добавил, растягивая слова с ядовитой насмешкой:

— Он ведь... мой дорогой старший брат...

— Если у вас больше нет дел, я хотел бы остаться с матушкой наедине.

Лин Цзюмо подобрал полы халата и опустился на колени перед постелью. Он бережно поправил парчовое одеяло, взял холодную ладонь Вэнь Цайэр и прижал её к своей щеке. В его взгляде читалась бесконечная, щемящая нежность. Двух других людей, находившихся в покоях, принц попросту перестал замечать.

Лин Сичу заворожённо смотрел на лежащую на постели покойную супругу. Она выглядела так же умиротворённо и благородно. Казалось, стоит лишь коснуться её руки, как она проснётся, ласково улыбнётся и назовёт его «Ваше Величество»...

Время тянулось капля за каплей. Лин Цзюмо стоял на коленях неподвижно, словно изваяние. На его бледном, осунувшемся лице отпечаталась глубокая усталость. Его Цзю-эр, изнеженный, выросший в неге любимый сын, так ни разу и не обернулся, чтобы взглянуть на отца. Неужели он винит его?

Лин Сичу хотел бы горько усмехнуться, но не смог выдать из себя ни звука. Ослабевший Чжао Бучжи сделал знак рукой, и они вдвоём бесшумно покинули покои.

Кажется, всё действительно закончилось. Сюй Нуо появился в комнате незаметно — стражники, застывшие у дверей, даже не шелохнулись, когда он проскользнул мимо них.

Лин Цзюмо уснул, тихо привалившись к краю постели. Он всё так же крепко сжимал остывающую руку матушки, не желая отпустить её ни на миг.

Сюй Нуо молча созерцал безмятежный лик покойной императрицы. Теперь она наконец обрела покой, освободившись от вечного страха и тревог, терзавших её изо дня в день.

Юноша вдруг вспомнил о призраке. Если Вэнь Цайэр мертва, то куда делась душа её сестры?

— Молодой господин, я здесь, — раздался тихий голос.

Чёрная бусина на шее Вэнь Цайэр слабо замерцала, внезапно сорвалась с нити и покатилась по полу, запрыгав прямо к ногам Сюй Нуо.

— Как ты здесь оказалась? — в замешательстве спросил Сюй Нуо, поднимая её.

«Кровь сестры брызнула на эту бусину, — прошептал дух. — Когда она ушла, я укрылась здесь. Позволь спросить, молодой господин, каковы твои дальнейшие планы?»

Сюй Нуо положил бусину на ладонь и растерянно покачал головой:

— Не знаю. Но здесь я точно не останусь.

«Возьми её с собой. Это Жемчужина изгнания зла, в будущем она тебе пригодится»

Сюй Нуо помедлил, прежде чем спросить:

— А как же ты?

«Я? — голос женщины становился всё глуше, ускользая, словно предрассветный туман. — Мэнхэ уже взрослый, он прекрасно устроится в жизни и сам. Сестры больше нет... Мне незачем дольше оставаться здесь. Моё желание исполнено»

— И это всё? — напомнил ей Сюй Нуо. — Ты ведь скоро совсем исчезнешь.

Неужели ей нечего передать Лин Сичу? Ведь император осыпал заботой Вэнь Цайэр лишь потому, что видел в ней призрак своей первой любви.

«Ничего, — в её мягком голосе прозвучала непоколебимая решимость. — Развеяться без следа?.. Пожалуй. Я и забыла, что уже на двадцать лет опоздала к новому перерождению...»

Бусина медленно угасла, лишившись всякого блеска, и превратилась в тусклый серовато-белый камушек, похожий на мертвый рыбий глаз.

— Ты тоже уходишь? — тихо спросил Лин Цзюмо.

Он проснулся и потерянно смотрел на Сюй Нуо. На лице юноши, который ещё вчера весело улыбался, застыли скорбь и смятение. Он смотрел на Сюй Нуо с глубокой тоской, и в его узких глазах больше не было былого блеска.

Сюй Нуо спрятал жемчужину в рукав. У него не повернулся язык сказать, что он собирается уйти. Оставить принца в такой тяжёлый час казалось слишком жестоким. Но и его присутствие здесь вряд ли могло что-то исправить.

— Подожди ещё три дня, хорошо? А потом уходи, — в голосе Лин Цзюмо звучала отчаянная мольба.

Сюй Нуо молча кивнул, и принц слабо и вымученно улыбнулся.

Спустя три дня, в день похорон императрицы, Лин Сичу восседал на троне в главном зале. Он выглядел сурово и величественно, не выдавая ни капли скорби. Неужели правители действительно бездушны? Нет, просто его каменное сердце раскололось изнутри, и эта невыносимая боль оставалась скрытой от чужих глаз.

Более двадцати лет супружества... Он уже не помнил их первой встречи. Наверное, тогда она была лишь юной, нежной девушкой, чья душа трепетала от надежд.

В те годы он, молодой и ветреный, приводил в гарем одну красавицу за другой. Но стоило ему встретить Жуюань, как он познал настоящую любовь. А когда жестокий человек отдаёт кому-то сердце, его чувство становится неистовством. С тех пор для него существовала лишь она одна; на три тысячи наложниц он даже не смотрел, не думая о том, скольких юных дев обрёл на увядание в безмолвных стенах дворца.

Смерть Жуюань полоснула его по сердцу. В один миг мир рухнул, оставив лишь пепел и глухое отчаяние. Три месяца он не являлся на утренние доклады, проводя дни в пьяном беспамятстве. Вдовствующая императрица, беспокоясь о судьбе династии, взмолилась, чтобы он разделил ложе хоть с кем-то из наложниц. Нехотя он отправился во Дворец Вэньюнь.

За шесть лет брака он тогда впервые по-настоящему взгляделся в лицо своей супруги. Она приходилась Жуюань кузиной, и их черты неуловимо походили друг на друга. В тот миг он обрёл долгожданное утешение, и подавленная страсть вспыхнула с новой силой. Наутро, увидев рядом с собой нежное создание с цветущей улыбкой, он безвольно поддался этому сладкому забытию.

Со временем он находил в ней всё больше сходства с покойной возлюбленной. Их повадки,

манеры, даже вкусы казались неразличимыми. В конце концов он перестал понимать, кто перед ним — Вэнь Цайэр или Лю Жуюань. А скорее всего, просто не желал этого знать.

Тайные стражи доложили, что старший сын найден, а подробности гибели Жуюань постепенно выходят на свет. Тревога в душе императора росла. Он так и не смог заставить себя расправиться с Вэнь Цайэр. Если бы он вернул Мэнхэ во дворец, этот вспыльчивый юноша наверняка устроил бы резню, не щадя никого.

Позже он повелел Чжао Куану забрать сироту на воспитание, обеспечив мальчику безбедную жизнь и стремительный взлёт по службе. Неся в сердце бремя кровной мести, Мэнхэ сумел вытерпеть все унижения и доказать, что рождён для великих дел. Разум и хитрость делали его истинным драконом среди людей.

В то же время Лин Сичу намеренно баловал Лин Цзюмо, сквозь пальцы глядя на его чудачества. Даже когда тот вознамерился взять себе в наложники мужчину, император лишь снисходительно усмехнулся. Он всегда считал младшего сына бездельником и повесой, но слова, сказанные Цзю-эр у постели умирающей матери, заставили его содрогнуться.

Этот мальчик... знал абсолютно всё.

Император мнил себя кукловодом, держащим нити судеб в своих руках. Иногда ему казалось, что лучше прожить остаток дней в туманном беспамятстве, не пытаясь различить, кто дарит ему ласку — Цайэр или Жуюань...

Столкновение Чжао Бучжи и Лин Цзюмо на Банкете Поиска Ароматов застало его врасплох. Неужели терпению Мэнхэ пришёл конец? Ему исполнилось двадцать пять лет, и почти два десятилетия он жил под гнётом тайны. Император понимал, как нелегко пришлось юноше, и уже подумывал вернуть его во дворец. Что до Вэнь Цайэр... Что ж, она двадцать лет наслаждалась роскошью и почётом. Дворцовые тайны не должны были покинуть эти стены, поэтому он собирался под благовидным предлогом сослать её в холодный дворец.

Но никто не ожидал, что в ту же ночь она скончается, захлебнувшись собственной кровью. Прибывшие лекари вынесли вердикт: императрица долгие годы страдала от неизлечимого недуга и харкала кровью втайне от всех.

Харкала кровью?.. Так вот почему её лицо всегда оставалось бледным, как первый снег. И он ничего не замечал... А она ни разу не обмолвилась о своей боли.

Цайэр... Жуюань... Неужели всё это время виновником был он сам? Но разве владыка Поднебесной не имеет права удерживать рядом ту, которую любит всем сердцем?

Во время похоронной церемонии сотни чиновников стояли затаив дыхание, изображая глубокую скорбь.

На террасе Дворца Чжучи, озарённый лучами кровавого заката, одиноко стоял Сюй Нуо. С этой высоты открывалось то, что обычно скрыто от глаз. За фальшивыми рыданиями придворных кривились самые разные лица: на них читались тревога, безразличие, облегчение и злорадство. Каждый носил маску, и Сюй Нуо не мог разобрать, скорбит ли хоть кто-то искренне.

И всё же он чувствовал, что человек, восседавший на самом высоком троне в отдалении, страдал по-настоящему, несмотря на застывшую маску бесстрастия. Лин Сичу действительно любил Вэнь Цайэр. Двадцать лет совместной жизни не проходят бесследно.

Пожалуй, именно поэтому Лю Жуюань ни словом не обмолвилась о нём. Разделив тело с сестрой на долгие двадцать лет, она изо дня в день видела, как её некогда преданный возлюбленный отдаёт своё сердце другой. Какую же невыносимую муку она испытывала!

Любовь — штука странная: со стороны всё видишь ясно, но стоит самому оказаться в её путах, как разум застилает туман. Эту истину Сюй Нуо осознает ещё нескоро.

Толпа наложниц в белых траурных одеждах заполнила двор. На их накрашенных лицах виднелись преувеличенные потеки слёз, но они хищно смотрели на опустевший трон императрицы. Двадцать лет ожидания... Их час наконец пробил.

Вскоре гроб с телом Вэнь Цайэр унесли к императорской усыпальнице.

Сюй Нуо горько усмехнулся. Какая разница, сколь высоко ты стоишь и в какие шелка одеваешься, если после смерти тебе достанется лишь клочок земли в три фута? Куда важнее найти родную душу, встретить старость рука об руку и знать, что даже спустя век кто-то будет хранить память о тебе. Лишь тогда можно считать, что жизнь прожита не зря.

Перед его глазами возникла картина из прошлого: он лежит в луже крови на полу искорёженного вагона. Оплакал ли его хоть кто-нибудь? Помнит ли шумный мегаполис двадцать первого века, что когда-то в нём жил человек по имени Сюй Нуо?

Путь от гибели в прежнем мире до перерождения в этом: Деревня Яохуа, поместье Чжао, внезапное сватовство в наследные принцессы и нынешнее неприкаянное блуждание... Всё это казалось нелепым фарсом. На душе вновь воцарилась унылая пустота.

Просидев на террасе до самого рассвета, Сюй Нуо медленно открыл глаза. Первые лучи солнца мягко коснулись его лица, даря робкое тепло. Юноша удивлённо прислушался к своим

ощущениям: кажется, незаметно пришла весна.

Три дня истекли. Пора уходить.

«Куда податься теперь?» — лениво размышлял он.

Вдруг перед ним появился принц с сияющим лицом. Вокруг покрасневших глаз принца ещё виднелись следы недавних слёз.

— Узнаёшь меня? — весело спросил он.

«Что он задумал?» — недоумевал Сюй Нуо.

— Представляешь, как долго я тебя искал? Решил, что ты уже сбежал! — Он крепко, порывисто обнял Сюй Нуо. — Какое счастье, что ты здесь. Ну всё, теперь мы можем идти.

— Мы?.. — Сюй Нуо опешил. Он вспомнил о своём обещании Вэнь Цайэр присмотреть за принцем, хотя даже не успел заговорить об этом.

— Думаешь, мне ещё есть ради чего оставаться в этом дворце? — Лин Цзюмо опустил взгляд, пряча угасающую грусть под закрытыми веками.

Сюй Нуо на мгновение растерялся, но затем улыбнулся:

— Но я понятия не имею, куда податься.

— Зато я знаю! Там потрясающе интересно, и это очень далеко от столицы. Давно мечтал туда съездить, да всё недосуг было. Ну же, держись крепче! Моя лёгкость в прыжках уступает твоей, не ровён час отстану...

Суйфэн, почтительно склонив голову, доложил:

— Господин, Девятый принц исчез...

Чжао Бучжи замер, так и не вскрыв письмо.

— А Сюй Нуо?

— Молодой господин Сюй тоже пропал со вчерашнего дня... — тихо ответил страж.

Письмо в руках Чжао Бучжи мгновенно превратилось в клочья.

— Исчезли ещё вчера?! Суйфэн, ты совсем страх потерял?! Почему докладываешь только сейчас?!

Страж замялся, прежде чем ответить:

— На то была воля Его Величества...

— Отца?.. — Чжао Бучжи заставил себя успокоиться. — Значит, императору известно о побеге Лин Цзюмо?

— Именно государь и повелел передать это известие. В столице объявлено, что Девятый принц совершил тяжкий проступок и приговорён к году домашнего ареста под строгим присмотром. Вход в его покои закрыт для всех.

«Значит, отец дал своё негласное согласие?..»

Чжао Бучжи сжал кулак, сминая обрывки бумаги. С пяти лет месть вела его за собой, заставляя карабкаться на вершину. Но стоило ему приблизиться к цели, как в один миг всё разрешилось само собой. На душе стало невыносимо пусто и тоскливо. Какая польза в титуле принца, если ты не волен удержать рядом даже дорогого тебе человека?

— Господин, есть кое-что ещё, — нерешительно произнёс Суйфэн.

— Говори, — Чжао Бучжи медленно разжал пальцы.

Мелкие клочки бумаги посыпались на пол, кружась в воздухе, точно стая испуганных белых бабочек.

— Вчера во дворце я видел портрет императрицы, написанный Девятым принцем... — Суйфэн осёкся под острым, пронизывающим взглядом Чжао Бучжи. — Мазки уверенные, а образ живой, будто настоящая императрица смотрит с полотна. К тому же... когда принц уходил, его движения напоминали повадки мастера лёгкости. Кажется, его мастерство выросло многократно.

Чжао Бучжи снова сжал пальцы в кулак.

«Лин Цзюмо... Так ты притворялся дураком? Скрывал выдающийся ум? Сколько ещё тайн ты

прячешь от мира?»

Пролетая сквозь кроны деревьев, Сюй Нуо замедлил шаг и коснулся гибкой ветви плакучей ивы. На ней едва заметно проклюнулись первые нежно-зелёные почки.

Он тихо рассмеялся. Весна, которую он так долго ждал, наконец стояла на пороге.

<http://bllate.org/book/20483/2178654>